

Глава 1: Переродился?

—

На третий день после смерти Цинь Мудуна Лу Синцзя всё ещё чувствовал себя так, словно это был сон.

Известный астрофизик Цинь Мудун, в возрасте всего двадцати восьми лет, был удостоен Национальной премии по физике, а одна случайно сделанная на церемонии награждения фотография принесла ему широкую известность в интернете.

На фото у него были глубокие глаза, высокий нос, а в тёмных зрачках читалось холодное величие, более непостижимое, чем изучаемые им чёрные дыры. Его невероятные пропорции тела и длинные ноги заставили бесчисленное множество пользователей восхищённо «облизывать экраны».

Лу Синцзя с детства считал этого соседа-гэгэ своим кумиром. Хотя он от природы был труслив и не осмелился лично поздравить Цинь Мудуна, он успел надоесть всем вокруг, нетерпеливо рассказывая им о его успехах.

Но всего три дня назад этот гениальный физик был найден мертвым в своем доме – он покончил с собой.

Известие о смерти Цинь Мудуна вызвало бурю негодования в интернете, и причина его самоубийства быстро всплыла на поверхность.

Он страдал от серьезного эмоционального расстройства, а также от тяжелой депрессии.

Полиция обнаружила в вещах Цинь Мудуна дневник, в последней записи которого было написано: «Мир полон вечной тьмы, только истина – свет».

Написав это, он использовал свою жизнь, чтобы найти этот вечный свет.

Гении часто обладают глубоким мышлением и чувствительной натурой. Когда они тратят всю свою жизнь на изучение какого-либо направления, а в реальной жизни им не на что опереться, они легко теряют себя в этом, желая преследовать ту вечную, невидимую и неосязаемую истину.

Узнав о смерти Цинь Мудуна, СМИ выражали сожаление и скорбь. Страна потеряла великого гения и будущую опору, пользователи сети тоже скорбели, потеряв свой «источник радости», которым они восхищались. Лу Синцзя же чувствовал раскаяние и боль. Ведь Цинь Мудун в детстве был не таким; именно в старшей школе, и после неё, он полностью превратился в холодную, безразличную, бесчувственную машину.

В детстве Цинь Мудун хоть и был крутым, но полон любви к жизни: он брал маленького Лу Синцзя ловить воробьев, наблюдать за муравьями, а ещё молча подносил плачущему мальчику зонтик и нежно успокаивал его.

Позже, когда они пошли в среднюю школу, родители Цинь Мудуна развелись, и его отправили в школу-интернат. Когда Лу Синцзя снова увидел его, он уже начал немного меняться.

Оценки Лу Синцзя всегда были средними, но на вступительных экзаменах в старшую школу ему невероятно повезло, и он поступил в ту же школу, что и Цинь Мудун.

Снова увидев своего любимого Гэгэ из детства, Лу Синцзя очень возбужденно подбежал, желая поговорить с ним, но Цинь Мудун словно превратился в другого человека: холодного, отстраненного, держащегося на расстоянии.

Лу Синцзя струсил, боясь, что Цинь Мудун возненавидит его, и с тех пор не смел появляться перед ним, мог лишь молча наблюдать издалека, не решаясь подойти.

Позже Цинь Мудун становился все холоднее и холоднее, вплоть до того, что на кануне вступительных экзаменов в университет, он уже ни с кем из ровесников не общался. После получения золотой медали по физике он взял академический отпуск и больше не ходил в школу. Лу Синцзя также отдалился от него, полностью потеряв связь.

Лу Синцзя никогда не думал, что в то время Цинь Мудун, возможно, переживал какие-то болезненные события, которые заставили его постепенно закрыться.

Если бы он тогда был немного смелее, всё могло бы сложиться иначе?

Слёзы незаметно скатились из уголков глаз, стекая по щекам в уголки рта, солёные и горькие. Лу Синцзя поднял руку и грубо смахнул слёзы с лица.

Он не мог плакать. Сегодня был день похорон Цинь Мудуна, и он не хотел показывать ему свою печальную сторону.

Лу Синцзя вытер слёзы и позвонил боссу, чтобы попросить отгул.

Лу Синцзя был обычным учеником, застенчивым по характеру. После окончания университета, как и миллионы обычных людей, он стал сотрудником небольшой компании, каждый день ходил на работу и домой, ел и спал, не имея ни квартиры, ни машины, ни партнёра — скучный и заурядный.

Босс был неплохим человеком, за исключением того, что, как и все обычные боссы, был очень скупым.

Услышав, что Лу Синцзя хочет взять отгул, босс притворно кашлянул два раза: «Отгул можно, но...»

«Я знаю, без проблем», — спокойно перебил его Лу Синцзя.

Речь шла не более чем о зарплате, бонусах и годовой премии. По сравнению со смертью Цинь Мудуна, Лу Синцзя это совершенно не волновало.

Возможно, услышав унылый тон Лу Синцзя, босс больше ничего не сказал и с готовностью одобрил отгул.

Лу Синцзя повесил трубку, переделся в черный костюм и поспешно вышел из дома.

—

В городе Синцзян всегда много дождей. Когда Лу Синцзя добрался до похоронного бюро, его брюки были испачканы дождевой водой и грязью.

В похоронном бюро было много людей: коллеги Цинь Мудуна, всевозможные дальние родственники, добровольно пришедшие фанаты, журналисты... шумно, хаотично.

Отец Цинь Мудуна проводил эту церемонию.

Он был одет в черный костюм, джентльменский, элегантный, вежливый, спокойный. Все этапы прошли без единой ошибки, но Лу Синцзя всё равно чувствовал себя немного некомфортно.

Однако сейчас Лу Синцзя был не в настроении об этом беспокоиться. Он подошел к портрету Цинь Мудуна, медленно возложил на него белый венок, раз за разом обводя взглядом черно-белую фотографию, не желая отводить взгляд ни на секунду.

Листья за окном громко шумели под порывами ветра, небо уже стало почти черным, и крупные капли дождя барабанили по стеклу так сильно, что казалось, оно вот-вот разобьется.

Лу Синцзя никогда не забудет тот день: тогда тоже шел очень сильный дождь, он один сидел на корточках в клумбе внизу и плакал. Цинь Мудун пришел к нему с черным зонтом и протянул большую молочную конфету «Белый кролик».

Лу Синцзя рос в неполной семье. Когда он был совсем маленьким, его отец-полицейский погиб при исполнении служебных обязанностей.

Каждый раз мать, Хэ Си, нежно гладила Лу Синцзя по голове и говорила ему, что его папа —

герой, великий герой, но дети во дворе не хотели с ним играть.

Малыши ничего не понимали. Им было все равно, герой ли его папа или нет; они знали только, что он не такой, как они — у него не было папы.

В тот день Хэ Си рано ушла на работу; ей одной приходилось нести на себе бремя содержания семьи, и ей оставалось только оставить маленького Лу Синцзя одного дома.

Лу Синцзя было так одиноко, никто из друзей не играл с ним. Дети внизу гуляли в дождевиках и прыгали по лужам, и он тоже захотел пойти. Он взял зонтик и «шлёп-шлёп-шлёп» спустился вниз.

Но не успел он приблизиться к ним, как его окатили грязной водой.

«Не подходи ко мне!»

«Держись от нас подальше!»

«Ты беспризорник! Ты не такой, как мы!»

...

Эти дети деловито повторяли слова, услышанные непонятно где, возможно, даже сами не понимая их значения, но ледяные слова, словно лезвия, вонзались прямо в сердце Лу Синцзя.

Лу Синцзя, вытянув шею, возразил: «Я не беспризорник! Нет!!! У меня есть папа! Папа — великий герой!»

Никто не слушал его объяснений, дети убежали, как от чумы, оставив его одного стоять под дождем и громко плакать.

Выплакавшись, Лу Синцзя сел на клумбу и впал в ступор. Он промок насквозь, поэтому просто отбросил зонтик в сторону и, сдавшись, свернулся калачиком.

Дождь усиливался, небо стало черным, густые тучи нависли, и крупные капли больно били по телу.

Над головой Лу Синцзя раскрылся черный зонтик, полностью отсекая барабаниющие капли дождя.

Маленький Лу Синцзя поднял глаза и увидел рядом с собой высокого мальчика с зонтиком в руках.

У мальчика были широкие плечи и узкая талия, холодные черты лица, в темных зрачках не читалось никаких эмоций, а ноги были прямыми и длинными, словно он был сошедшим с небес божеством.

Лу Синцзя замер, так и глядя на него снизу вверх.

Мальчик равнодушно произнес: «Разве не холодно под дождем?»

Лу Синцзя прикусил губу и покачал головой, ничего не говоря.

«Иди домой», — снова сказал мальчик, — «заболеешь».

Лу Синцзя ещё сильнее сжался, его тонкие ресницы опустились, и слёзы снова потекли: «Никому нет дела, никто меня не любит, никто...»

«Будет», — мальчик присел на корточки и серьезно посмотрел Лу Синцзя в глаза, — «Обязательно будет».

Худенький Лу Синцзя моргнул, на ресницах ещё оставались слёзы: «Правда?»

«Угу». Мальчик явно не умел утешать других, долго шарил рукой в кармане и, наконец, достал немного растаявшую конфету «Белый кролик»: «Ешь. Съешь и больше не плачь».

За зонтом бушевал ураган, лил проливной дождь, а на ладони равнодушного юноши спокойно лежала молочная конфета.

Лу Синцзя всхлипнул, как котёнок, вытянул лапку, взял конфету, развернул и сунул в рот. Сладкое ощущение медленно растекалось по рту, и какая-то тень внутри него, казалось, внезапно озарилась светом.

С тех пор, как бы ни бушевала непогода, он больше не боялся. Но тот мальчик, который когда-то озарил его, бросил мир, который он любил, и покончил с собой.

Лу Синцзя больше не мог сдерживаться, слёзы лились градом.

—

Когда он вышел из похоронного бюро, уже был вечер, дождь всё ещё моросил. Лу Синцзя с уставшим телом сел в автобус.

В это время в автобусе почти никого не было, он просто нашел свободное место и сел.

Слёзы уже иссякли, он чувствовал только усталость и сонливость, веки тяжело слипались, и в покачивающемся автобусе он медленно закрыл глаза.

Перед сном в голове Лу Синцзя мелькнула последняя мысль.

Если бы всё это можно было начать заново, он обязательно схватил бы Цинь Мудуна за руку, и даже если бы тот был холоден, он бы не отпустил его руки.

...

«Цзяцзя, Цзяцзя, Лу Синцзя!!! Проснись!!! Учитель идёт!!!»

Вокруг каким-то образом воцарилась тишина, кто-то непрерывно тряс тело Лу Синцзя, голос становился всё громче. Лу Синцзя раздражённо открыл глаза — вокруг него были знакомые, но в то же время незнакомые столы, стулья, книги. Перед ним стояла молодая женщина в строгой юбке, нахмурившись, глядя на него.

Лу Синцзя резко распахнул глаза.

Это, кажется... его классная руководительница Лю Миньсы из первого класса старшей школы.

Неужели он так сильно хотел вернуться в прошлое, что у него начались галлюцинации?

Лю Миньсы свернула учебник в руке и постучала им по голове Лу Синцзя, холодно произнесла: «Лу Синцзя, спишь на вечерних занятиях. 3000 слов объяснительной, завтра утром мне на стол».

Боль на макушке была настоящей, сердце Лу Синцзя бешено забилося.

Он действительно вернулся в старшую школу?

Лю Миньсы на высоких каблуках вернулась к кафедре и передала стопку бумаг ученику, сидящему в первом ряду: «Передайте назад, это бланки выбора профиля обучения».

Было лето, потолочный вентилятор неумоимо дул, разбрасывая стопки тетрадей. На календаре рядом с доской четко значилось «1 июля 2010 года», а бланки выбора профиля плыли назад.

Воспользовавшись суматохой с передачей бумаг, сосед по парте похлопал Лу Синцзя по плечу, смущенно почесав затылок: «Прости, я только что играл на телефоне, не заметил, как учительница подошла».

«Всё в порядке», — Лу Синцзя покачал головой, глядя на это немного знакомое, но чужое лицо, стараясь вспомнить его имя, — «Ты... Цю Жуйфэн?»

Цю Жуйфэн широко раскрыл глаза, его характерные густые брови поднялись очень высоко: «А кто ещё? Ты что, от того удара учителя совсем отупел? Память потерял?»

Лю Миньсы у кафедры всё ещё без умолку наставляла: «Выбор профиля обучения — это важный поворотный момент в старшей школе. Все должны хорошо обсудить это дома с родителями, решить, выбрать ли гуманитарный профиль или естественные науки. Конечно, некоторые ученики могут выбрать участие в олимпиадах, и школа это активно поддерживает. Все должны тщательно выбирать в соответствии со своими истинными желаниями...»

Знакомый бланк выбора профиля дошёл до рук Лу Синцзя. Это была фирменная зелёная бумага школы, похожая на шпинат. Хоть она весила как один лист бумаги, но ощущалась тяжелой, как тысяча цзиней — это было настоящее ощущение.

Лу Синцзя глубоко вдохнул, а затем с облегчением выдохнул: «Как хорошо, Цю Жуйфэн, как хорошо».

Он действительно вернулся в первый класс старшей школы.

Школа ещё не разделилась по профилям, и Цинь Мудун ещё не полностью замкнулся в себе. У него ещё есть шанс приблизиться к нему.

Он перейдёт в олимпиадный класс Цинь Мудуна и больше не отпустит его руку из-за его холодности.

Даже если это всего лишь прекрасный сон, он хочет, чтобы в нём исполнились его желания.

Выражение лица Цю Жуйфэна исказилось, и он тихо пробормотал: «Всё, Лу Синцзя действительно отупел. Его наказали написать 3000 слов объяснительной, а он всё ещё улыбается как идиот».

—

<http://bllate.org/book/14490/1282423>